

АНН-ЛОР БОНДУ

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАРЯ

Перевод с французского Иры Филипповой

Москва **КомпасГид**
издательский дом
2019

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44
Б81

Автор обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Бонду, Анн-Лор

Б81 Грандиозная заря : [для ср. и ст. шк. возраста : 12+] / Анн-Лор Бонду ; пер. с фр. И. Филиппова ; [авт. обл. М. Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2019. — 248 с. : ил.

ISBN 978-5-00083-551-7

Разговоры ночь напролёт — до рассвета. Долгие часы в машине — да с открытыми окнами, чтобы ветер в лицо. История жизни — как пробирающий до костей, до слёз, до дрожи фильм. Только это кино неясного жанра: психологический триллер? детектив? романтическая комедия? панковская мелодрама? боевик?..

«Фея саспенса» — так называют её журналисты. Титания — такое шекспировское имя придумала она сама себе. Консолата — так звали её много лет назад, когда она была девчонкой. Автор популярных детективных романов, она прожила жизнь не менее остросюжетную. И теперь, в пятьдесят, она решила поведать о ней самому дорогому человеку — собственной дочери Нин. Но прежде, чем откроется вся правда, — одна бесконечно длинная ночь. Ночь саспенса.

Титания и Нин проедут через всю страну, чтобы узнать друг о друге больше, чем за прошлые шестнадцать лет. В них, как и в других героях серии «Подросток N», читатели от 13 лет без труда узнают себя. Персонажи этих книг когда с интересом, когда с радостью, а когда и с ужасом осознают: мир — намного сложнее, чем им казалось в детстве. Так происходит и с Нин, но это узнавание — лучший путь к взрослению.

Анн-Лор Бонду (родилась в 1971 году) — прославленная французская писательница, специализирующаяся на подростковой прозе и собравшая все мыслимые литературные награды на родине. Роман «Грандиозная заря», вышедший в 2017 году, получил первую в истории премию Prix Vendredi, учреждённую Национальным союзом издателей для «оригинальных и разноплановых книг современной подростковой литературы».

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Original title: *L'Aube sera grandiose*
© Éditions Gallimard Jeunesse, 2017
© Издание на русском языке.

ISBN 978-5-00083-551-7

ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

*Посвящается Нино,
без которой Орион не научился бы кататься
на велосипеде и жизнь была бы куда скучнее.*

ПЯТНИЦА

22:00

Эта история началась здесь — сразу после развилки на Сен-Совер и Бомон, на дороге местного значения, которая ведёт через возвышенность. Стоял июнь, дело близилось к ночи. Машина с включёнными фарами сбавила скорость, съехала с шоссе, свернула в лес и покатила в сторону озера по туннелю из веток.

Этот старый немецкий драндулет загрязнял атмосферу с конца прошлого века, и девушке, сидевшей на заднем сиденье, было за него стыдно.

Девушку звали Нин, на следующей неделе ей исполнялось шестнадцать, и, судя по счётчику, она молчала уже пятьсот километров. Она смотрела в окно на уродливые кусты и жалела, что не набралась храбрости и не выпрыгнула прямо на ходу, пока машина ещё ехала по городу. Потому что сейчас, вот в это самое время, если бы мать её не *похитила*, она бы дома, в Париже, готовилась к праздничному вечеру.

Понятное дело, сначала она орала:

— Так нечестно! Несправедливо! Там будет весь класс, весь лицей, вообще ВСЕ!

Дальше шёл список имён (Марго, Бене, Изель, Артур, Сами, Ким, Мануэла), услышав который, мать просто обязана была развернуться и поехать обратно. Однако ни крики, ни уговоры не помогли. Пока Нин всё это кричала, машина уже выкатила на трассу: прощай, Париж, прощай, праздник.

Нин забралась с ногами на сиденье — подальше от матери — и вцепилась в телефон. Она буквально клокотала от злости.

Титания просто двинулась. Думает только о себе, как всегда. Даже не сказала, куда они вообще тащатся на ночь глядя! И когда вернутся обратно!

Интересно, можно ли подать на собственную мать в суд за похищение?

Нин даже не успела высушить голову после бассейна, и капли хлорированной воды падали на экран телефона вперемешку со слезами.

Но километр за километром волосы постепенно высыхали.

Глаза — тоже.

Потом телефон разрядился.

И Нин стала смотреть в окно.

Очень хотелось есть.

Титания Карельман, одной рукой придерживая руль, петляла между выбоин лесной дороги. Ветки хлестали кузов. Она вдруг сообразила, что не взяла с собой ничего, чтобы расчистить эту чёртову тропинку. Ни лопаты, ни садовых ножниц. Оставалось только скрестить пальцы и надеяться, что дорогу ничем не завалило и они смогут пробраться к озеру.

Днём, забрасывая в багажник две дорожные сумки и отправляясь за дочерью в бассейн, Титания сомневалась, не совершает ли очередную ошибку. За пятьдесят лет этих ошибок у неё накопился уже целый воз. И единственная из них, о которой она не жалела, была Нин. Теперь, когда они уже почти приехали, Титания уверяла себя, что поступила правильно.

Хотя, конечно, Нин злилась из-за праздника, на который собиралась. Ну да ничего. Сейчас не время для праздника. Время для правды. И правда ждёт их в конце этой непроходимой дороги.

Титания покрутила ручку приёмника. Поймала было прогноз погоды, но сигнал тут же пропал, превратившись в сплошной треск. До этой точки мира даже в двадцать первом веке не дотягивается ни одна сеть. Никаким радиоволнам не под силу прорваться сквозь ночь и густые деревья. В общем, всё точно так же, как и в тот раз (целую вечность назад), когда Титания приезжала сюда вместе с собственной матерью.

— Я есть хочу, — раздалось с заднего сиденья.

Какое облегчение услышать дочь после стольких часов упрямого молчания!

— Чем мы будем ужинать? — недовольно спросила Нин. — Ты, конечно же, об этом не подумала.

Через лобовое стекло, облепленное разбившимися насекомыми, Титания угадала за глухой стеной деревьев бездну озера. Луна, отражаясь в воде, распадалась на тысячу сверкающих островков. Уже можно было разглядеть деревянный понтон, тянувшийся вдоль берега. Фастфуда в этих краях точно не найдёшь.

Титания была верна клятве и никогда не рассказывала о лесном доме никому, даже дочери. Только позволила себе такую игру: уже пятнадцать лет в каждой книге, которую она писала, кто-нибудь из персонажей рано или поздно упоминал дом в лесу. В последний раз это было в «Кровавом деле»: на странице 302 лейтенант Шпигель, изнурённый долгой погоней, говорит напарнику: «Уехать бы на пару дней в домик где-нибудь в чаще леса! Всё бы за это отдал, даже мою коллекцию аккордеонов».

— Я тоже голодна, — призналась Титания. — И знаешь, чего бы мне сейчас хотелось?

Она посмотрела в зеркало заднего вида.

Это был их тайный код. Нин понимала, что её ответ (если она выберет правильный) будет означать окончание войны.

— Ну? Знаешь, чего бы мне хотелось? — осторожно повторила Титания.

Нин немного поёрзала и наконец вздохнула.

— Супа из тапиоки?¹

Напряжение тут же спало — по салону будто пронеслась волна тёплого воздуха.

— Именно, — ответила Титания. — Супа из тапиоки. А ещё тар...

— Тартинок-с-тунцом-и-помидорами-и-перчёных-сухариков, — скороговоркой договорила Нин.

Это была первая улыбка, которой они обменялись с тех пор, как пять часов назад смерчем развернулись посреди бульвара Брюн.

¹ Крахмал, полученный из корня маниоки — клубневого растения из Южной Америки.

«Уф», — мысленно выдохнула Титания, выезжая на последнюю петлю лесной дороги.

Вскоре она остановила машину; колёса легко затормозили и мягко упёрлись в невысокий бордюр.

— Приехали, зайчонок.

Нин прищурилась, пытаясь разглядеть, куда именно они приехали. Вокруг было темно, как в пещере.

— Не знаю, позаботился ли Окто о супе из тапиоки и перчёных сухариках, но чего-нибудь мы точно поедим.

— Где мы? — спросила Нин. — И что за Окто?

Титания выполняла последний манёвр, чтобы поровнее припарковать своё корыто. Свет фар метался по темноте, пока наконец не остановился на дощатом фасаде, на котором шелушились слои старой краски.

Ей бросился в глаза кронштейн на углу дома: Роз-Эме прибила его когда-то, чтобы повесить колокольчик. Никакого колокольчика на нём не было уже лет сто.

— Я давно сюда не приезжала. Надеюсь, сухие дрова тут найдутся.

Она заглушила мотор, немного обеспокоенная, что поблизости не видно другой машины. Может, Окто припарковался подальше, под ивами?

— Ничего не понимаю. Чей это дом? — продолжала допытываться Нин. — Мы же не собираемся здесь ночевать?

Титания открыла дверь, и в нос ударило влажным запахом ила. На этой высоте в любое время года ночи всегда холодные.

— Mam, кто такой Окто?

Титания Карельман выбралась из машины. Она не рассказывала дочери об Окто. Она о нём вообще никогда никому не рассказывала.

Она уже восемнадцать лет, семь месяцев и девятнадцать дней не видела своего брата.

ПЯТНИЦА

22:30

Впервые порог этого лесного домика Титания переступила ещё в двадцатом веке, и лет ей было тогда приблизительно столько же, сколько сейчас Нин. Роз-Эме, стоя перед дверью, потрясала связкой ключей.

— Это наш дом, — говорила она детям. — Здесь мы сможем укрыться. Кроме нас четверых, никто не должен знать о нём, ясно?

Роз-Эме велела им поклясться, а потом показала тайник: железный ящик под одной из досок на полу террасы. Непременное правило: кто уходит последним, кладёт ключи обратно в ящик.

— Ключи на месте, — констатировала Титания, отодвинув покосившуюся крышку.

Несколько ночных мотыльков ошалело бросились на свет телефона. Она закрыла ящик и ударом каблука вернула доску на место.

У неё за спиной Нин в коротких шортах и футболке стучала зубами от холода. Сложив руки на груди, девушка смотрела в сторону загадочного озера, которое плескалось совсем рядом. С тех пор, как они вышли из машины, Нин решила больше не злиться и ни о чём не спрашивать. Праздник в лицее уже начался, и теперь они даже к концу не успеют, это ясно. А ответы на свои вопросы она всё равно получит не раньше, чем мать решит, что настало

время. Она всегда диктует правила и задаёт темп истории. Не зря ведь журналисты прозвали её Феей саспенса².

— Ну, пошли, — сказала Титания. — А то совсем околеем.

Нин двинулась за матерью, волоча дорожную сумку.

В доме оказалось не так холодно, как можно было бы ожидать. Зато удушливо пахло плесенью вперемешку с дезинфицирующими средствами и чем-то ещё — розмарином или тимьяном, не разберёшь. Нин немного замутило, и она задержала дыхание, пока мать искала электрощиток, подсвечивая себе телефоном.

Щёлкнул выключатель. Свет хлынул с потолка, как в театре. В центре комнаты обнаружился обеденный стол. Словно в сказке, он оказался накрыт: три глубокие тарелки, три чистых стакана, стеклянный кувшин с водой и оранжевая чугунная кастрюля на подставке такого же цвета. Нин ничего не понимала.

— Похоже на наши с тобой весёлые обеды на двоих, когда ты была маленькой, — улыбнулась Титания. — Помнишь? Как мы сидели в пижамах на диване, что-нибудь жевали и смотрели кино.

Нин эта картина напоминала скорее сказку о трёх медведях, поэтому она в ответ только пожала плечами. Титания тем временем приподняла крышку кастрюли.

— Рагу из кролика, — объявила она. — Ещё тёплое, но лучше давай подогреем.

Она указала подбородком в неосвещённый угол комнаты.

— Зайчонок, зажжёшь плиту, ладно?

Когда Нин наконец-то решилась отпустить ручку сумки, Титания заметила под одной из тарелок лист бумаги. Записка от Окто.

Нин обнаружила в углу электрическую плитку, ещё более старую («и ещё более уродливую», — подумалось ей), чем их допотопная машина. Справа была глубокая раковина, в которой стоял тазик с водой (грязной); сверху пылились на крючках кастрюли разных размеров.

2 От английского «suspense» (неопределённость, беспокойство, тревожное ожидание). В русском языке используется для описания тревожного предчувствия неизбежного и страшного поворота сюжета в фильме или книге. Термин часто связывают с именем режиссёра Альфреда Хичкока (1899–1980), которого прозвали мастером саспенса из-за того, что он первым стал активно использовать в своих фильмах приём создания напряжённой атмосферы.

— Кто приготовил нам еду? — спросила Нин, поворачивая ручку на плите. — Окто?

Титания не слышала. Облокотившись о спинку стула, она читала письмо.

Внутри лесной дом казался просторнее, чем снаружи. Кроме большого стола здесь была дровяная печь, вокруг неё — четыре кресла, на дальней стене на крючках висела груда разной одежды: соломенные шляпы, дождевики, старомодные куртки, которые, кроме как в деревне, нигде не наденешь. На другой стене Нин увидела календарь и несколько цветных фотографий в рамках. А под лестницей, ведущей на второй этаж, валялись удочки, ящики с инструментами и угадывался силуэт мужского велосипеда с безнадёжно спущенными шинами.

Взгляд Нин дошёл до раскрытого окна с видом на озеро. В Париже ночью никогда не бывало так темно, никогда не возникало этого ощущения помутнения сознания, придавленности, потерянности.

Она поискала в карманах телефон. Только бы мать захватила зарядку!

— Ты догадалась взять...

— В общем, они приедут только завтра утром, — объявила Титания, пряча письмо в карман брюк.

Нин удержалась от того, чтобы спросить, кто такие эти «они». Всё равно мать никогда не отвечает.

— Я знаю, что тебе очень хотелось попасть на праздник, — произнесла Титания.

Говоря это, она взяла со стола чугунную кастрюлю и переставила её на плиту.

— Ясное дело, ты злишься.

Нин пожалала плечами. Час назад она готова была придушить родную мать. Но теперь как будто провалилась в другое измерение, и ей стало на всё плевать. Происходило нечто поважнее пропущенного праздника, и девушке ужасно хотелось узнать, что именно.

— У тебя в лицее есть возлюбленный? — вдруг спросила Титания, чтобы не казаться бесчувственной. — Мальчик, который нравится?

— Что-то мне подсказывает, что мы приехали сюда не для того, чтобы говорить об этом, — заметила Нин и всё-таки, хоть это и было абсолютно неуместно, подумала о Маркусе.

— Угадала, — призналась Фея саспенса.

Титания Карельман повернулась к дочери. Нин стала совсем взрослой и красивой. Нет, не красивой: великолепной. Великолепной и фантастической.

— Я должна рассказать тебе одну историю, — произнесла она.

— Мне не привыкать, — пожала плечами Нин.

— Это довольно длинная история, — предупредила Титания.

— Ну, раз мы всё равно здесь, времени у нас, видимо, сколько угодно?

Титания кивнула и тут же подумала, хватит ли одной ночи. Она давным-давно бросила курить, но сейчас ей вдруг мучительно захотелось затянуться.

— Загляни-ка в стенной шкаф у тебя за спиной, — попросила она дочь. — Там Окто обычно прячет свои сокровища.

Нин пошарила рукой в темноте. Шкаф оказался глубоким. Наконец она что-то нащупала. Бутылка вина. И, похоже, последняя.

— «Шато Тальбо» 2011-го, — разобрала она на этикетке. — Это сокровище?

— Возможно, — улыбнулась мать.

Перерывая ящики буфета в поисках штопора и вдыхая аромат кролика с грибами, которым согревалась комната, Титания вспоминала другую ночь. Бессонную ночь тридцатилетней давности. Ночь, которая перевернула всю её жизнь.

Ей никогда не удавалось написать об этом, и теперь она не знала даже, с чего начать. Может, с собственного рождения? Со сквота? Или ещё раньше — со знакомства Роз-Эме с тем, чьё имя вчера утром появилось в газетах? У некоторых историй, как у старых домов, вход так порос былём, что не сразу отыщешь.

А, вот он, штопор.

— Ну надо же, Фея саспенса! — проговорила она, откупоривая бутылку. — Придумали прозвище, спасибо.

— Нормальная кликуха, — отозвалась Нин. — На твоём месте я бы гордилась.

Титания наполнила свой стакан, и свет лампы отразился дрожащей луной в тёмно-красной глади вина. Детективы, которые она публиковала, очень долго оставались почти никому не известными. Несколько тысяч читателей, один-два перевода, ничего выдающегося. Вплоть до прошлого года, когда вышло «Кровавое дело». Почему именно эта книга вдруг стала так хорошо продаваться? Титания до сих пор не могла понять.

— Ты права, — согласилась она. — Хорошая кликуха.

У неё вдруг зазвучали в ушах слова Роз-Эме, произнесённые тридцать лет назад, в ту невероятную ночь, когда всё изменилось раз и навсегда: «Отныне тебе нельзя называться настоящим именем. Выбери псевдоним. Придумай себе новую личность». В честь пьесы Шекспира, которую они как раз изучали в университете, она взяла имя королевы фей, Титании, не подозревая о том, что много лет спустя журналисты состряпают из него метафору.

— Кстати, теперь, когда ты прославилась и начнёшь нормально зарабатывать, может, наконец купишь другую машину? — предложила Нин. — Честно говоря, куча ржавого металлолома — это как-то недостойно феи!

— Правда? В каких же каретах, по-твоему, разъезжают феи?

— В тыквах! — улыбнулась Нин. — Ну хорошо, но купить мне новый телефон ты ведь могла бы? Этот... он уже немного...

— Немного чего? — сухо прервала мать. — Он совершенно новый. Если ты забыла, я подарила тебе его на Рождество. Мы уже тысячу раз это обсуждали, Нин, хватит. Давай садись.

Они действительно обсуждали это уже тысячу раз, потому что Нин тысячу раз пыталась объяснить матери, как важно ей иметь такие же вещи, как у остальных (в классе ни у кого больше нет телефона этой китайской марки!), но Фея саспенса отказывалась её понять. Каждый раз она выходила из себя и начинала выкрикивать разные громкие слова: «консюмеризм», «стадное чувство», *бла-бла-бла*.

— Ладно, забей, — вздохнула девушка, усаживаясь за стол.

Титания сняла с плиты дымящую кастрюлю, поставила её на подставку в центре стола и стала раскладывать рагу по тарелкам.

— Окто планировал поужинать с нами, но передумал и поехал в аэропорт встречать Ориона и Роз-Эме.

Нин воткнула вилку в кусок мяса, такого мягкого, что оно само отделялось от кости. Мысленно она составляла список незнакомых имён: Окто, Орион, Роз-Эме.

— Это, я так понимаю, главные герои твоей истории?

— Да, зайчонок. Только на этот раз не я их придумала.

Титания сделала глоток вина, ещё один. От тарелки, стоявшей перед ней, валил пар. Она посмотрела в сторону окна.

— Немного не по себе от того, что так темно, — призналась Нин, проследив за её взглядом.

— Здесь всегда так, — отозвалась Титания. — Кажется, будто утро никогда не настанет. Но увидишь: новый день обязательно придёт.

Она поставила стакан.

— Историю, которую я расскажу, тоже придумала не я. Она произошла на самом деле и началась ещё в моём детстве.

— А, понятно! — хихикнула Нин. — В палеолите.

— Именно. До того как наступила эра компьютеров, смартфонов, mp3 и интернета. Можешь себе представить?

— Ну.. вообще-то не очень. Кстати, ты случайно не догадалась взять с собой мою зарядку?

— Потом посмотрю, зайчонок. Я собиралась впопыхах, не знаю, что там. Но сеть здесь всё равно не ловит. Ничего? Сумеешь это пережить? Я могу продолжать?

Нин сидела с полным ртом рагу и пыталась прийти в себя: ни праздника, ни сети, а значит, совершенно не с кем поговорить.

Титания сосредоточенно смотрела в невидимую точку где-то над окном.

— Когда я впервые поднялась на эту забытую богом возвышенность, мне было четыре года. Ну, почти пять. В то время моя мать водила что-то вроде небольшого фургона, «панар» пятидесятых годов. Тебе это, конечно, ни о чём не говорит. Но если коротко, то машина была ещё древнее, чем наш драндулет.

— И ещё уродливее?

— Представь себе летающую тарелку небесно-голубого цвета с двумя иллюминаторами сзади, круглыми, как рыбы глаза!

Нин подцепила несколько грибов и улыбнулась. Машина с глазами как у рыбы? Отлично. Вот подходящая карета для феи.

— В тот вечер, — продолжала Титания, — когда моя мать остановилась на заправочной станции, стрелка бензина уже зашла за красную полосу.

Фея саспенса закрыла глаза. Она представила себе во всех подробностях эту сцену из далёкого прошлого.

— И небо тоже было красным, — добавила она.

ГЛАВА 3

ИЮЛЬ 1970

Я сидела, прислонившись лбом к одному из иллюминаторов, на заднем сиденье нашего «панара» и уже несколько часов молчала. Я высматривала первые признаки ночи. Боялась, что машина сломается и нам придётся опять спать на обочине. Меня пугал лес, из которого мы только что выехали. Но и облезлые холмы, показавшиеся впереди, мне тоже не нравились.

— Ну, — проговорила мать, выключая зажигание, — кто был прав?

Я отлепила лоб от стекла и увидела две колонки заправки, а чуть подальше — магазинчик с чудной закруглённой витриной.

— Ты, — признала я с облегчением.

— Очень важно, чтобы ты мне доверяла, Консолата. Иначе у нас ничего не получится.

Я повернулась к ней. В свои четыре года (почти пять) я уже понимала, какой моя мать была красивой, юной и одинокой. Слишком красивой, слишком юной и слишком одинокой, чтобы заботиться о таком количестве детей.

— Ты не голодна?

— Всё нормально, — соврала я.

После варёных яиц, которыми мы закусили в Сен-Бонне, у нас в желудках ничего не было. Яйца уже давно переварились. Хорошо, что малыши спят.

— Мне тоже нормально, — сказала мать. — Но я бы не отказалась от чего-нибудь вкусенького. Например, от супа из тапиоки. А ещё тартинок с тунцом-и-помидорами и перчёных сухариков!

У меня тут же слюнки потекли. Роз-Эме умела подобрать верные слова. Она знала их силу, их вкус. Жонглировала ими, как мячиками.

— Ух ты, смотри! Думаешь, вон тот месье не угостит нас?

Она распахнула дверь фургона и вытянула наружу ноги, длинные и стройные, как у фламинго. Из глубины «панара» я хорошо видела этого типа: он стоял у заправки, неподвижный, как манекен, и смотрел на мою мать. На нём был рабочий комбинезон, в левой руке — пластмассовая канистра, а над головой — нимб. То есть всего лишь закат, красное солнце, которое залило всё вокруг и подожгло витрину магазина у него за спиной.

Я перебралась через сиденья и тоже выпрыгнула из фургона. Мне совсем не хотелось, чтобы опять было как в сквоте и чтобы этот тип возомнил себе всякое про мою мать. Я думала, что моё присутствие хоть как-то защищает её от мужчин.

— Я уже закрываю, — сказал он.

— Мы на секунду, — ответила мать. — Наверное, вы наш ангел-хранитель.

Заправщик направился к ней, щурясь от яркого света заката.

— Уж не знаю, кто из нас двоих ангел, — сказал он, опуская канистру на землю.

Я поняла, что он меня не увидел, поэтому подбежала и вцепилась в мамины ноги. Пусть знает, что это моя территория.

— О... — произнёс заправщик, впервые взглянув в мою сторону. — Так вон он где, ангел!

— Её зовут Консолата, — сказала мать. — Это итальянское имя.

— Вы итальянки? — удивился заправщик, глядя на наши светлые волосы.

— Нет, но у меня большая страсть к языкам! — Роз-Эме рассмеялась как-то чересчур громко.

Заправщик тоже чересчур громко рассмеялся, и я нахмурилась.

С тех пор как восемь дней назад мы уехали из сквота без единого су в кармане, нам встретилось уже несколько ангелов-хранителей: старик-свиновод, сваривший нам сосисок, хозяйка продуктовой лавки, у которой я спала в настоящей постели и пила лимонад, добрая женщина из Сен-Бонне с варёными яйцами... Но на сей раз, хоть у нас и не осталось ни капли бензина, я была

недовольна. Я люто невзлюбила этого типа с заправки — конечно же, из-за того, что он понравился матери.

— И куда же вы едете? — спросил он, снимая с колонки заправочный пистолет.

— Куда глаза глядят, — сказала Роз-Эме, играя прядью волос. — Я работу ищу.

Я вздрогнула.

— Но ты же сказала, что нам надо найти...

— Конечно, мы найдём что-нибудь поесть! — перебила мать и пристально посмотрела на меня. — Но для этого, представь себе, надо сначала найти работу.

Она с раздражением закатила глаза. Мне хотелось её укусить.

— Какую работу ищете? — поинтересовался заправщик, пока бензин рывками заливался в бак фургона.

— У меня много талантов, — соврала мать.

— А, ну да! Например, к языкам! — расхохотался он.

— Не знаете никого, кому я могла бы пригодиться? — вдруг очень серьёзно спросила Роз-Эме.

Тип медленно вернул пистолет в гнездо и, не сводя с неё глаз, вытер руки о комбинезон.

— Уже поздно, — сказал он. — Тут, на возвышенности, даже летом ночи холодные. Я живу в Сен-Совере, несколько километров отсюда. Вам есть где ночевать?

Помимо всех прочих талантов моя мать обладала великолепной улыбкой. В тот самый миг, когда солнце окончательно исчезло за линией горизонта, она подарила её заправщику.

Вот так и получилось, что на следующий день, припарковав фургон на склоне, мать подсунула под передние колёса тормозные колодки и принялась выгружать из машины наши вещи. Я пыталась ей помешать.

— Консолата, прекрати!

Но я не слушалась.

— Перестань! — крикнула мать, уронив сумку в мокрую траву.

— Но ты обещала, что мы поедем к...

Она приложила палец к моим губам.

— Поедем чуть позже, Консо. Но, если я ещё хоть раз об этом услышу, не поедем уже никогда, понятно?

Вне себя от злости, я развернулась и побежала прочь.

Мать даже не попыталась меня остановить. Вокруг была такая глушь — куда здесь было деваться малышке четырёх лет (почти пяти)?

Метров через сто я остановилась и посмотрела на свои ноги. Как сейчас помню: стёртые на мысках белые сандалии с вышитым цветком сбоку. Мне ничего не оставалось, только повиноваться матери.

Я вернулась к дому. Заправщик сидел на подоконнике, голый по пояс, свесив одну ногу вниз. Он умиротворённо курил, а за его спиной громоздились рыжие кровли Сен-Совера, похожие на кубики, которые кто-то рассыпал у подножия церкви. Утреннее небо над головой было совершенно прозрачным.

Проснувшись в тот день довольно рано, я слышала через перегородку, как они разговаривают — моя мать и он.

— В издательстве каталогов есть рабочие места, — говорил заправщик. — Я там кое-кого знаю. Могу про тебя спросить.

Мать в ответ хихикнула, и вскоре из-под одеяла донеслось их приглушённое дыхание. Роз-Эме, как обычно, думала только о себе, забывала свои обещания, не считалась со мной, не говоря уж о малышах.

У меня даже в глазах потемнело от бешенства.

— Не хочу тут оставаться! Не хочу тут оставаться! — вопила я и изо всех сил топтала насыпь над дорогой.

Каблуки сандалий крушили комья глины, из-под ног врассыпную мчались муравьи и выползали из укрытий дождевые черви.

— Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Конечно, никакого проку от этого не было, но я топтала землю и кричала ещё довольно долго.

А потом колокола церкви Сен-Совер пробили полдень, я вернулась к дому и прямо в сандалиях, облепленных землёй, направилась на кухню.

— Есть хочешь? — спросил заправщик.

Я в те времена всегда хотела есть.

Его бёдра были обвязаны таитянским парео, он что-то помещивал в кастрюле; пахло очень вкусно.

— Картошка со шкварками, моя фирменная. Жареный лук и омлет с зеленью.

Он победил: я выдвинула стул и уселась. Ноги не доставали до пола. Я слышала, как наверху, в спальне, плачут мои братья, а мама поёт в душе.

— Меня зовут Жан-Ба, — сказал заправщик.

Он растёр между ладоней несколько веточек тимьяна, и над кастрюлей пролился ароматный дождь.

— Я предложил Роз-Эме записать тебя в школу. Учителя зовут месье Сильвестр. Ты уже ходила в школу?

Я покачала головой. В сквоте никому и в голову не приходило об этом позаботиться. Там дети были предоставлены сами себе и бегали повсюду без штанов и без забот. Они смотрели, как взрослые играют на гитаре, курят, ложатся спать когда придётся и засыпают в путанице ног, рук и волос. Но здесь, на краю возвышенности и в стране озёр, общепринятые правила всё ещё соблюдались. Дети не разгуливали с голым задом, ходили в школу, разучивали песенки, правила спряжения и историю Франции.

— Кон-со-ла-та... — по слогам произнёс Жан-Ба. — Это на итальянском что-нибудь означает?

Я посмотрела на него опухшими от слёз глазами.

— Конечно, — всхлипнула я. — Это означает «та, которую утешили».

— Надо же, — усмехнулся заправщик.

А потом подмигнул и пустился в пляс («*ва-ни-ду ва-ни-да!*»), вращая бёдрами, как таитянка. И танцевал, пока я наконец не перестала дуться.

Вскоре, уже с сухими глазами, я поглощала свою порцию омлета и картошки со шкварками, а мама вышла из душа и занялась малышами.

Через три дня я впервые отправилась в школу Сен-Совера, в класс месье Сильвестра.

А в следующий понедельник мама устроилась кладовщицей в издательство каталогов.

Я тогда ещё не знала, что начинаются самые важные годы моей жизни.